

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ

4-ТОМ ИСТОРИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Интенциональность

Мы продолжаем цикл лекций по истории Западной философии в изложении Энтони Кенни. Кенни продолжает своё знакомство с категориями философии XIX и XX века рассказом об интенциональности. Мы уже говорили об этой проблеме. Но она занимает важное значение в современной философии, особенно для тех, кто увлекается философией и психологией творчества. Поэтому, думаю, будет уместно рассказать, что же сам Энтони Кенни видит в позициях мыслителей по этому вопросу.

Концепция средневековой по своему происхождению интенциональности была вновь введена в философию Францем Brentano в XIX веке и позже получила известность в логических исследованиях Гуссерля.

В своей книге «Психология с эмпирической точки зрения» (1874 г.) Brentano стремился найти свойство, которое отличало бы психические от физических явлений. Он рассмотрел и отверг предположение о том, что особенность психических явлений заключается в том, что они не имеют декартовского расширения. Затем он предложил иной критерий различия. Каждый психический феномен характеризуется тем, что средневековые схоласты называли преднамеренным (или ментальным) существованием объекта, и тем, что мы неоднозначно называли бы «отношением к содержанию», «объектной направленностью» или «имманентной объективностью» («объект» здесь не означает реальность). Каждое такое явление содержит в себе что-то как объект, хотя каждый не в одной и той же манере. В воображении что-то воображается, в суждении что-то принимается или отвергается, в любви что-то любят, в ненависти что-то ненавидят, в желании чего-то желают и так далее.

Brentano считает, это преднамеренное существование является свойство только психических явлений; никакое физическое явление не показывает ничего подобного. Таким образом, мы можем определить психические явления, говоря, что они являются теми явлениями, которые содержат объект намеренно.

Этот знаменитый тезис не совсем ясен, считает Энтони Кенни. Это правда, что там, где есть любовь, что-то любят, а там, где есть ненависть, что-то ненавидят. Но не так же, что если есть отопление, то что-то нагревается? Но «жара» – это не психологический глагол. Как может Brentano сказать, что объектная направленность свойственна психологическим явлениям, когда она кажется общей чертой всех грамматически транзитивных глаголов, которые принимают оценочный характер.

Кенни говорит, что ответ становится ясным, если мы посмотрим на схоластические источники Brentano, которые провели различие между двумя видами действий – имманентными и переходными. Переходные действия – это действия, которые изменяют свои объекты (нагрев – это переходное действие, которое делает объект горячим). Имманентные действия изменяют не объекты, а их агентов. Чтобы узнать, вылечил ли врач своего пациента, мы осматриваем пациента. Чтобы узнать, влюбился ли он в своего пациента, мы должны наблюдать за врачом. Различие Brentano между психическими и физическими явлениями соответствует различию между имманентными и переходными действиями.

Гуссерль перенял у Brentano схоластическую концепцию интенциональности и сделал ее центральным элементом своей системы с 1901 года. В пятом из логических исследований Гуссерль говорит, что сознание состоит из преднамеренных переживаний или действий. И он делает ряд различий между различными элементами, которые можно найти в сознании.

Умственный предмет получает свою интенциональность посредством акта смысла (Meinen). Есть два вида значения. Один вид – это то, что придаёт значение слову, а другой вид – это то, что даёт смысл предложению. Каждый смысл – это либо номинальное значение, либо пропозициональное. Если быть ещё точнее – смысл законченного предложения или часть такого смысла.

Каждый мысленный акт будет актом определённого рода, принадлежащим к определённому виду, который будет определяться его материей. Каждая мысль о лошади, кто бы это ни думал, принадлежит к одному и тому же виду. И концепция лошади – это именно тот вид, к которому принадлежат все эти мысли. Аналогичным образом, всякий раз, когда кто-либо делает суждение о том, что кровь гуще воды, смысл этого суждения – кровь предположительно гуще воды – является именно тем видом, к которому относятся все такие акты суждения. Если А соглашается с суждением В, хотя суждение А и суждение В являются отдельными

индивидуальными психическими событиями, но поскольку они имеют тот же вопрос, являются примерами одного и того же вида.

В своем более позднем сочинении Гуссерль назвал индивидуальный акт ноэзисом, а конкретное содержание – ноэмой. В дополнение к вопросу о действиях качеств. Это не только слова и предложения, которые имеют смысл, и не только соответствующие умственные действия и состояния, такие как знание и вера. Так же как и восприятие, воображение, эмоции и воля, моё видение Рима и моё представление о Риме – это действия, которые имеют одно и то же дело или преднамеренный объект. Но по тому, что видение отличается от воображения, они суть действия различного качества.

Гуссерлевская теория интенциональности была плодородной, и его рассказ о ней содержит много пронизательных наблюдений и ценных различий. Но природа смыслового акта, лежащего в основе Вселенной ментальных явлений, остается глубоко загадочной. В 20-30-х годах XX века некоторые философы пытались представить философию разума, которая полностью обойдется без интенциональности.

Бертран Рассел в своем анализе ума представил отчет о желании, где сделал его определяемым с точки зрения событий, которые приводят его к завершению. Он писал: «Психическое явление любого рода – ощущение, образ, вера или эмоция – может быть причиной серии действий, продолжающихся (если они не прерваны) до тех пор, пока не будет достигнуто более или менее определенное положение дел. Такую серию действий мы называем «циклом поведения». Свойство причинять такой цикл возникновений вызвано «дискомфортом». Цикл заканчивается в состоянии покоя или таких действий, которые имеют тенденцию сохранять статус-кво. Состояние дел, в котором достигается это состояние покоя, называется «целью» цикла, а первоначальное психическое возникновение, связанное с дискомфортом, называется «желанием» состояния дел, которое приносит успокоение. Желание называется «сознательным», когда оно сопровождается истинной верой в состояние дел, которое принесет успокоение. В противном случае оно называется «бессознательным».

Циклы поведения, по словам Рассела, причинно инициируются психическими событиями, обладающими характеристикой дискомфорта. Характер этих событий остается неясным в его системе. Но другие философы и психологи в своих рассказах о желании и эмоциях вообще обошлись без ментальных событий. Для бихевиористской школы, особенно после того, как Павлов в 1927 году представил свою теорию условных рефлексов, связь между психическим и физиологическим больше не была причинной. Циклы поведения не были следствием психических событий, они были фактическими составляющими желания и удовлетворения. Бихевиористы расценивали сообщения о психических действиях и состояниях как замаскированные сообщения о телесном поведении или, в лучшем случае, как склонность вести себя определенным образом. Таким образом, интенциональность исчезла из психологии.

Именно в ответ на рассказ Рассела о желании и ожиданиях Витгенштейн начал развивать свою более позднюю философию разума. Он сказал, у Рассела было неправильно именно то, что он игнорировал интенциональность. И он согласился с Гуссерлем, что интенциональность была очень важна, если мы должны были понимать язык и мысль. Дать правильный отчет об этом было одной из главных проблем философии.

Достижение Витгенштейна в философии разума состояло в том, чтобы сделать вывод, который сохранил интенциональность, которую отрицали бихевиористы, не принимая картезианскую картину сознания, в которую был встроен отчет Гуссерля. Один из способов описать вклад Витгенштейна в философию разума состоит в том, чтобы подчеркнуть, с какой беспрецедентной чувствительностью Витгенштейн показал, что человеческий разум не является духом, даже не воплощенным духом. Прежде всего, нет такого понятия, как декартово эго, «Я» или «Мой», о котором говорится в высказываниях от первого лица. Это не потому, что слово «Я» относится к чему-то другому, чем я. Это потому, что «Я» вообще не является ссылочным выражением. «Я» – это часть философской ерунды, порожденной непониманием рефлексивного местоимения.

Когда Декарт утверждал, что он может сомневаться в том, что у него есть тело, но он не может сомневаться в его существовании, для его аргумента было важно, чтобы он мог использовать «Я» для обозначения чего-то, что не было частью его тела. Но это было большое

недоразумение. Моё «Я» не является частью себя, это, очевидно, я сам. Мы говорим о «моём теле», но притяжательное местоимение не означает, что есть я, который является обладателем тела, которое отличается от меня. Моё тело – это не тело, что у меня есть, но тело, что я. Как и Рим – это не город, а то, что в городе Рима.

Второе, что подразумевается под тем, что ум не является духом, это то, что он не является какой-то призрачной средой или локусом ментальных событий и процессов, которые доступны только путем самоанализа. Витгенштейн часто нападал на мифологию о природе разума, которую мы все склонны принимать. Мы представляем себе странный механизм в нашем сознании, который очень хорошо работает в своей собственной таинственной среде, но который, если его понимать как механизм в обычном смысле, довольно непонятен. Витгенштейн думал, что это кусок скрытой ерунды. Способ превратить латентную чушь в патентную чушь состоял в том, чтобы представить, что механизм действительно существует.

Задачей научной теории разума, по мнению некоторых философов и психологов, является установление принципа корреляции между возникновением психических состояний и процессов и возникновением состояний и процессов в головном мозге. Эта корреляция была бы возможна только в том случае, если бы умственные события (например, мысли или вспышки понимания) сами по себе были измеримы, таким образом, как измеряются физические события. Но мысль и понимание – это не процессы в психической среде, в которых электролиз и окисление являются процессами в физической среде. Мысль и понимание вовсе не являются процессами, как показал Витгенштейн при кропотливом анализе употребления слов «думать» и «понимать». Критерии, по которым мы решаем, стоит ли кто-то за предложением, сильно отличаются от критериев, по которым мы решаем, какие умственные процессы происходят, когда кто-либо произносит или пишет предложение.

Энтони Кенни говорит, что те, кто думает о разуме как о призрачной среде, а о мыслях и понимании – как о происходящих там процессах, рассматривают среду как доступную через самоанализ и только через самоанализ. С этой точки зрения, разум является внутренним пространством, которое заслуживает исследования, по крайней мере, столько же, сколько и космическое пространство. Но в то время как при наличии достаточного количества времени, денег и энергии каждый может исследовать одно и то же космическое пространство, каждый из нас может исследовать только своё внутреннее пространство. Мы делаем это, рассматривая то, к чему мы сами имеем прямой доступ, но о чем другие могут узнать только косвенно, принимая наше устное свидетельство или делая выводы из нашего физического поведения. Связь между сознанием (с одной стороны) и речью и поведением (с другой стороны) является в этом смысле чисто условной. Энтони Кенни даёт понять, что разрушить эту концепцию было одним из величайших достоинств Витгенштейна.

Использование понятия критерия позволило Витгенштейну встать между Сциллой дуализма и Харибдой бихевиоризма, по образному выражению Энтони Кенни. Витгенштейн согласен с дуалистами в том, что определённые психические события могут происходить без сопутствующего телесного поведения. В то же время он согласен с бихевиористами в том, что возможность приписывать психические действия людям зависит от действий, имеющих поведенческое выражение.

Если неправильно отождествлять ум с поведением, то еще более ошибочно, по мнению Витгенштейна, отождествлять ум с мозгом. Такой материализм на самом деле является более грубой философской ошибкой, чем бихевиоризм, поскольку связь между умом и поведением является более тесной, чем связь между умом и мозгом. Отношение между разумом и поведением является критериальным, чем-то, что до опыта. Связь между разумом и мозгом является условной, открываемой эмпирической наукой. Любое открытие связей между разумом и мозгом должно взять за отправную точку повседневные понятия, которые мы используем при описании ума, понятия, которые мы привязываем к поведенческим критериям.